На момент нашего знакомства Георгий Николаевич Фролов был очень стар. Не вспомню точно сколько лет ему было, но седину его — ровную, серебристую помню, как сейчас. У него отказывал слух, и разговаривать нам было трудно, но примерно раз в месяц я ездила в Отрадное на улицу Пестеля за исторической наживой. У меня уже был мой сайт памяти Зои и Веры, который было нужно наполнять новыми интересными материалами.

Честно говоря, интересного материала мне выдавалось мало — забирать с собой в общежитие архивные фото и документы не разрешалось, а всякий раз возить с собой громоздкие ноутбук и сканер было мне не под силу. Сейчас очень грустно вспоминать забитые папками и коробками антресоли шкафов и сознавать, мимо какой бесценной информации я прошла…
Да, зелёная пластиковая папочка с кнопкой, в которую Георгий Николаевич сложил для меня какие-то ксерокопии, до сих пор со мной, несмотря на бесконечные перезды — в ней я храню собственные документы. Пожалуй, это единственное, что мне удалось вынести из фроловского архива.

Первым делом Валентина Михайловна, жена, принималась меня кормить, и сколько я не отнекивалась, обедать приходилось. Только после этого, уже за чаем, начинался трудный разговор о Вере. Валентина Михайловна какими-то только им понятными знаками доносила до Фролова мой вопрос.

Веру он нашёл в 1957 году, будучи редактором многотиражки Московского института народного хозяйства имени Г.В.Плеханова. Точнее, они вместе со студенткой Валей нашли.

Однажды она принесла ему заметку, которая вышла в «Комсомолке» и спросила:

— Георгий Николаевич, может быть, это про нашу студентку?

В заметке было фото Веры и, наверное, оба они влюбились в пропавшую без вести белокурую красавицу. Она не была студенткой Плехановского, но поиск начался.

Тогда многие были живы: мать Веры писала письма в Торговый институт, однополчане вспоминали о её службе в части №9903, друзья — о мирной жизни. Фролов и Валя обошли все деревни в районе, где пропала Вера, с вопросом про партизанку. В Головкове нашлась женщина, описавшая казнь похожей девушки. Она же и опознала Веру на групповом фото. И те, кто хоронил её после ухода немцев — опознали.

К этой женщине до конца жизни из Кемерова приезжала на лето мать Веры, которая, узнав о свадьбе Фролова и Вали подарила небогатым новобрачным своё обручальное кольцо. Валентина Михайловна за год до моего появления в их доме примеряла перчатки в магазине, соскользнувшее с пальца кольцо осталось в одной из не купленных, а заметила она это лишь дома. Найти кольцо потом не удалось.

Говоря совсем откровенно, Фролов был не самым скрупулёзным историком, многое он упустил. Или просто не договаривал, справедливо опасаясь современной грязи, которая могла политься на Веру. Он заковал живую девушку в монумент и никому не позволял тревожить её память несправедливыми нападками. Да, он по-своему был справедлив, охраняя свою Героиню.

Разыскав после войны фотографа Владимира Карпова, который, будучи студентом ВГИКа, снимал Веру в Серебряном бору, он забрал у него плёнку, но не спросил — что их связывало с Верой? Или всё же спросил, но мне не рассказал.

— Да просто попросил её попозировать. А она согласилась — было что маме отправить. — Валентина Михайловна пожала плечами, как будто будущие кинооператоры каждый день изводят на тебя всю фотоплёнку, чтобы ты могла послать несколько карточек маме в Кемерово.

Было время, я хотела разыскать потомков Владимира Карпова, переписала его адрес с Вериной фотографии, но на Чистые пруды — да, это были Чистые пруды, точнее не вспомню, — приезжала с какими угодно целями, только не с этой. А сейчас и адрес утрачен.

Да, я тоже не самый скрупулёзный историк. Мне проще разговаривать с вещами и официальными документами, чем с живыми людьми. Мне проще придумать Верину жизнь и, по крупицам собирая информацию, радоваться тому, что почти всё совпадает. Может быть, это такая специфическая интуиция писателя.

А Вера была настоящей: смешливой, кокетливой, обаятельной. Легкомысленной, самоотверженной. С потрясающей фигурой. Любила маму, любила жизнь. За ней многие пытались ухаживать, кто-то подарил ей коньки, и уехал чуть ли не в Благовещенск. «Ну и ладно, мне-то что…» — писала она маме.

И ещё писала, что Юрка воюет с белофиннами, «наверное, я всё-таки его люблю». Наверное, они всё-таки собирались пожениться, а значит, история с платьем, которое ей на свадьбу подарили подруги — реальная.

Но всё это нам известно только благодаря поиску Фроловых.

Я не была у них много лет. Фролов умер в 2014 году, Валентина Михайловна, студентка Валя, ненадолго пережила его. После них остался тот самый бесценный архив, добраться до которого пока не представляется возможным — родственники не выходят на связь.

Через несколько месяцев после смерти Фролова выяснилось, что в немецких архивах нашлись фотографии казни Веры. Её трудно не узнать на этих фото. Легенда, основанная на людской памяти, наконец-то стала неоспоримой истиной.

Но как же больно, как же обидно, что последнее, абсолютное доказательство правоты жизни человека, подтверждение его невероятной веры в девушку, которой он посвятил жизнь, пришло слишком поздно. Это ужасно несправедливо.

Покойтесь с миром, Георгий Николаевич. Вы были правы.